Тарп Туилла

16.3.95

ТАНЦ-КЛАСС

УСТАВШАЯ ОТ БИТВ

Экран и сцена. - 1995. - 16-23 марта. - с.13

Новая программа Туилы Тарп «Красное, белое и блюз», показанная в нью-йоркской Бруклинской академии музыки, кажется концом долгой войны.

В 70-е годы Тарп прославилась танцами в стиле джаз-рок, такими, как «Чертова дюжина» и «Нога Сью». В этих произведениях танцоры словно бы существовали каждый сам по себе, образуя на сцене нечто среднее между демократией и анархией.

Затем, в 80-е, когда Тарп погрузилась в мир классического балета, синтез распался и сцена стала ареной сражения. Мужчин с женщинами, порядка с беспорядком, джаза с классическим стилем, Туилы Тарп со всем миром и даже с самой собой — короче, все время была пища для сплетен и склок. Война эта вдохновляла балетмейстера и на хорошие, и на плохие работы, но в конце концов утомила всех, привнеся в творчество Тарп нотку агрессии и даже нечистоплотности.

Зато сегодня основной темой балета Тарп является согласие. Между танцами она выходит на сцену и рассказывает, как создаются они, подчеркивая необходимость слияния идей, тел и душ. Наверное, собравшимся в зале зрителям эти объяснения были полезны: многие до сих пор полагают, что балетные танцы — такая же импровизация, как на танцплощадке. А после объяснений хореографа танцоры выходили на сцену, и зрители своими глазами видели, как из па рождаются фразы, из фраз — балетные номера, как свобода и правила рождают искусство.

Сейчас, как ни странно, вопрос о свободе, демократии и правилах игры обретает в США новое звучание. Если в прошлом веке мы сражались на полях гражданской войны, сейчас, в эпоху мультикультурализма, сражение идет в мире искусства, и хочется надеяться, что борьба стилей и вкусов не перерастет в борьбу политических позиций и социальных группировок.

Последним номером в программе Тарп был танец на музыку «Боевого гимна республики», сочиненного во время гражданской войны в 1861 году. Тарп предварила танец вступлением, в котором сообщала, что эта работа посвящается «американскому принципу множества единств, прославляющему личность в окружающем его ковчеге».

Этому же принципу соответствовал и подбор музыки: Дюк Эллингтон, «Зе файв сэтинз», барабанщики из Бурунди, а также Глюк и Барток, то есть американская музыка и ее предшественники. Некоторые танцы казались скованными, напряженными; некоторые — легкими, воздушными; но во всех работах джаз и классический балет сочетались мирным законным браком.

Один из лучших номеров на музыку Бартока выводил на сцену балерину Стейси Кэдделл, бродящую среди остальных членов труппы — переговаривающихся, курящих, время от времени организующихся для отдельных па какого-то народного танца. Может быть, это история про хореографа и танцоров? Или размышление о балете и жизни? Так или иначе, в этой пьесе присутствует мрачное, почти горькое настроение, и оно выдает как стремление к красоте, так и раздражение балетмейстера.

Сегодня у Тарп нет постоянной труппы. Семь танцоров, занятых в этой программе, приглашены из других балетных трупп. Один из мужчин, Шон Мэхоуни, поразительно напоминает саму Туилу Тарп в молодости — тот же музыкальный гений, та же почти резиновая пластичность. Если бы у него были пятеро-шестеро братьев, можно было бы снова ставить «Вестсайдскую историю».

Twyla Tharp, at BAM.

Джоан АКОЧЕЛЛА.
НЬЮ-ЙОРК.

20